

Если расследование ведет женщина...

НАТАЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВА

РУКИ
КУКЛОВОДА

Наталья Александрова

Руки кукловода

«Автор»

2009

Александрова Н. Н.

Руки кукловода / Н. Н. Александрова — «Автор», 2009

Молоденькая журналистка Саша Петухова мечтала сделать статью, которая прославила бы ее, – а вместо этого нарвалась на большие неприятности... Александра почувствовала, что кто-то пытается использовать ее саму и ее газету для достижения своих преступных целей: после каждой публикации следует убийство. Что это – случайное совпадение или чей-то злой умысел? Саша не желает быть марионеткой в чужих руках и начинает собственное расследование...

© Александрова Н. Н., 2009

© Автор, 2009

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Александрова

Руки кукловода

* * *

Ровно в восемь тридцать в квартире Николая Васильевича Трубина заработал домофон. – Николай Васильевич, машина подана! – раздался голос шофера Жени.

Трубин был уже одет. Он вышел на лестничную площадку. Возле лифта стояла незнакомая девушка – невысокая, симпатичная, с немного раскосыми глазами.

«Небось от Валеры уходит, – подумал Трубин с легкой завистью. – Шалун Валерик, за сорок, а каждый день новые девушки. И не проводит ведь».

Легким кивком обозначив свою симпатию, он вошел вслед за красоткой в лифт. Она замялась, нажимая на кнопку, и лифт пошел не вниз, а вверх.

– Э, девушка, вы куда? – удивился Трубин. – Вы что-то не то нажали!

– Да что вы? – С милой улыбкой девица обернулась к нему и вдруг, с резким шипением выдохнув воздух, мгновенным неуловимым движением накинула на шею Николая Васильевича тонкий шелковый шнурок.

«Что за безобразие!» – хотел возмущенно крикнуть Трубин, но ничего такого крикнуть он уже не мог, потому что в гортани его что-то противно хрустнуло и невыносимая боль хлынула в горло, как расплавленный металл.

Николай Васильевич пошатнулся, замахал руками. Глаза его лезли из орбит, в лифте стало сразу удивительно темно, и все вокруг сделалось дымно-багровым. Потом в голове у него взорвался слепящий шар, и все кончилось.

Николай Васильевич Трубин сполз по стене и затих на полу лифта с широко открытыми выпученными глазами, в которых навсегда осталось выражение удивления и обиды.

Симпатичная девушка аккуратно сняла с шеи Трубина шнурок, убрала в карман своей куртки и выскользнула из лифта, который как раз остановился на четырнадцатом этаже.

Открыв дверь, она вышла с лестничной площадки на широкий балкон, пригнулась, чтобы ее не было видно снизу, и перебралась на соседний балкон. Через минуту девушка уже спускалась на лифте в соседнем подъезде, еще через минуту она вышла из подъезда, не привлекая к себе внимания, и быстрым деловым шагом направилась к остановке троллейбуса.

Шофер Женя дождал еще несколько минут – мало ли что может задержать босса, – наконец снова подошел к домофону.

Довольно долго никто ему не отвечал, наконец в динамике послышался заспанный и недовольный голос Риммы Григорьевны, супруги Трубина, которая почти никогда не вставала раньше двенадцати.

– Как где Николай Васильевич? – удивленно переспросила она. – Тебе лучше знать. Разве он еще не ушел?

Пару раз окликнув мужа и даже сделав несколько шагов по бескрайней квартире, Римма Григорьевна вернулась к домофону и с еще большим недовольством заверила Женю, что дома босса нет.

Шофер забеспокоился, потому что по совместительству на него возлагалась и охрана Трубина. Открыв своим ключом дверь подъезда, он вошел внутрь и вызвал лифт, чтобы подняться на шестой этаж. Но когда лифт спустился и двери его открылись, ситуация прояснилась во всей своей отвратительной достоверности.

Женя не справился с задачей охраны шефа. Шеф сидел на полу лифта, с широко открытыми выпученными глазами, и он был несомненно и стопроцентно мертв.

На экране телевизора девочки в разноцветных платьях кружились под музыку, держа в руках огромные искусственные цветы. Я сидела на диване, закутавшись в плед, и тупо пялилась в экран. Было совершенно нечего делать, то есть я не представляла себе, что могу сделать в данной ситуации. Все, что могло случиться, уже случилось, и от меня больше ничего не зависит.

Вот именно, в этой истории от меня никогда ничего не зависело. Все, что произошло со мной за последнее время, случилось как бы помимо меня, без моего на то желания. Мной манипулировали, мной управляли, причем так искусно, что я ничего не замечала. Сама того не желая, я делала то, что от меня требовалось, и думала, что инициатива исходит от меня самой.

И все же был ли момент в этой истории, когда я могла остановить ход событий или хотя бы направить их в другую сторону? Был ли момент, когда от моих поступков что-то зависело?

Я человек глубоко реалистичный. Научную фантастику с детства терпеть не могу. Все эти разговоры о том, что вот как было бы здорово и что вообще было бы, если бы можно было вернуться на две недели назад и в понедельник утром встать не с левой ноги, а с правой, по моему мнению, не стоят и выеденного яйца. Но я хочу понять, отчего я позволила собой управлять, кто я – безмозглая идиотка или просто жертва случайного стечения обстоятельств?

Итак, когда же все началось? Тогда ли, когда я вытащила письмо из нашего почтового ящика? Оно было адресовано мамуле, и обратный адрес указан – Зауральск. В Зауральске у нас с мамулей родственников нет, общих знакомых тоже, поэтому я бросила письмо в прихожей на столик с телефоном и больше про него не вспоминала. Что, если бы я тогда разорвала то письмо не читая и клочки пустила по ветру? Ничего бы не изменилось, потому что в наше время, когда почтовое ведомство работает из рук вон плохо, никто не станет доверять важную информацию простому письму.

Стало быть, началось все гораздо позже, когда вечером у нас в квартире раздался длинный междугородний звонок. Краем уха я разобрала мамулин голос, радостно кого-то приветствующий, и поскольку не последовало ее окрика: «Александра, это тебя!» – спокойно продолжала заниматься своим делом.

Чтобы не возвращаться потом к второстепенным вопросам, сразу же скажу, что по профессии я журналист. По профессии, но не по призванию, считает моя мать, и в некоторых случаях я склонна с ней в этом соглашаться. Так или иначе, чем-то нужно зарабатывать на жизнь, потому что живем мы с мамулей вдвоем, нас некому содержать – у мамы уже нет мужа, а у меня – еще. Но как не устает она повторять, если я и дальше буду продолжать в том же духе, то вряд ли он (муж) у меня когда-нибудь вообще будет.

Так что в тот вечер, когда звонили из Зауральска, я сидела в своей комнате за компьютером и писала статью, уж не помню на какую тему. Статью нужно было сдать к завтрашнему утру, поэтому я углубилась в работу с головой. Поэтому, как выяснилось гораздо позднее, я просто не расслышала мамулиного вопроса, не буду ли я против, если у нас в квартире поживет некоторое время ее старинный приятель из Зауральска? В гостинице для него слишком дорого, а у нас все же три комнаты, и живем в них только мы двое, так что приятель никого не стеснит.

Когда я работаю, то разговариваю с мамулей, пользуясь методом Винни Пуха, то есть через равные промежутки времени вставляю в ее монолог попеременно две фразы: «Да-да, конечно» и «Нет-нет, ни в коем случае». Очевидно, подошла очередь «Да-да, конечно», потому что мамуля, услышав положительный ответ, тотчас же оставила меня в покое.

Скажу сразу, я пыталась пользоваться таким же методом не только во время работы, потому что мамуля у меня, конечно, женщина неплохая, любит меня, но еще не потеряла надежду перевоспитать свою единственную дочь. Просто удивительно, как моя мать, женщина, обладающая завидной толикой здравого смысла, независимостью и упорством, а также всегда

умевшая трезво оценивать свои и чужие силы, может питать такие беспочвенные надежды. Скорее всего ей просто стыдно признать свое поражение.

Предмет спора в конечном счете у нас всегда один: это я, моя внешность, характер и образ жизни. Дело в том, что мы с мамулей не блещем красотой. Не подумайте, конечно, что на лице у меня или у мамы какое-нибудь жуткое родимое пятно или нос загибается крючком, как у Бабы-яги. От такого безобразия Бог миловал. И глаза у нас самого обычного размера, и нос не длиннее нормы, и рот не как у лягушки... Но в целом нельзя не признать, что внешность у нас с мамулей самая ординарная, невыразительная внешность, ни один взгляд не остановится ни на лице, ни на фигуре. По рассказам мамы, она поняла это очень рано, чуть ли не в шестом классе. Она не стала расстраиваться и плакать по ночам в подушку, как поступили бы все остальные девчонки в ее возрасте. Нет, мамаля поразмыслила в одиночестве и сделала ставку на стиль.

«Я – женщина, которая сделала себя сама!» – любит повторять мамуля, она до сих пор следует принятому в шестом классе решению и очень гордится собой.

Действительно, одевается и причесывается она всегда с большим вкусом, хотя, на взгляд некоторых, слишком экстравагантно. В этом отношении я – полная ей противоположность, совершенно не слежу за своим гардеробом и частенько даже забываю сделать макияж перед выходом на работу. Для мамы такое просто немыслимо, она даже мусор вынести на лестницу и то ненакрашенной не выйдет.

Надо сказать, что усилия мамы не пропали даром – не в отношении меня, а в отношении ее самой. Сейчас она работает на «Ленфильме» – преподает там на коммерческих курсах, учит глупеньких дочерей обеспеченных родителей, как одеваться, накладывать макияж и правильно выходить из инюмарки, будучи одетой в мини-юбку.

Я же считаю, что уж если природа не посчитала нужным одарить человека красотой, то никакой экстравагантностью этого не заменишь. Мамуля возражает, что такая позиция вырабаталась у меня от лени, что мужчины не так падки на красоту, как заявляют об этом, и что если бы я приложила хоть немного сил... в общем, это неинтересно.

Кажется, я отвлеклась от темы. Кстати, это один из моих недостатков – я жутко рассеянна, вечно все забываю и опаздываю на любую встречу. Кроме того, не могу сосредоточиться на главном, отвлекаюсь по пустякам, как и сейчас.

Так вот, я думаю, что случилось бы, если тогда на вопрос мамы, не против ли я, чтобы у нас пожил некоторое время ее приятель из Зауралья, я ответила бы «Нет-нет, ни в коем случае»? Думаю, что ничего бы не изменилось. Мамуля бы стала убеждать меня, трясти за плечо, отвлекла наконец от компьютера, и результатом всего этого осталась бы ненаписанная статья. А Петр Ильич все равно бы поселился у нас, мамуля бы меня уговорила.

После того звонка я снова все забыла и очень удивилась, когда как-то утром обнаружила мамулю на кухне. Она ставила тесто.

Как я говорила, мы очень похожи лицом, а также есть у нас некоторые общие внутренние качества. Например, лень. Я ленива и не боюсь в этом признаться – раз такая уродилась. Но мамуля тоже ленива, так сказать, в быту, только она утверждает, что ей, как сугубо творческой натуре, немоготу заниматься обыденными вещами, – так она называет домашнее хозяйство. Подозреваю, что именно поэтому они в свое время расстались с моим отцом. Но это было очень давно, и мамуля не любит об этом вспоминать.

Так или иначе, мамуля может загореться и испечь какой-нибудь немыслимый торт, сшить за один вечер весьма экстравагантную юбку или связать шарф дивного сочетания цветов, но изо дня в день готовить, мыть, убирать и стирать она не в состоянии. Я, как уже говорилось, могу себя заставить убирать только за собой, на обиход второго человека моей силы воли не хватит.

Мамуля быстро нашла выход, и в нашей квартире два раза в неделю стала появляться Анна Леопольдовна – весьма бодрая старуха, расторопная и деловая. Мамуля откопала ее в дебрях «Ленфильма» – старуха всю жизнь снималась в массовках. Так как в последнее время жизнь на «Ленфильме» не очень-то кипит, массовочных заработков явно не хватало, и старуха согласилась пойти в домработницы.

Нынче утром мамуля обреталась на кухне, на ней был кокетливый передничек в розовую клеточку, и руки по локоть в муке.

– Что случилось? – сонно вытаращилась я на родительницу. – С чего это пироги?

– Как это – с чего? Сегодня приезжает Петр Ильич, надо же накормить человека с дороги как следует!

Увидев по моему лицу, что я понятия не имею ни о каком Петре Ильиче, мамуля не рассердилась, а принялась терпеливо объяснять, что сегодня во второй половине дня прилетает из Зауралья ее старинный приятель, они когда-то давно вместе учились в институте, близко дружили...

– Бывший поклонник? – на всякий случай осведомилась я.

– Ах, да что теперь об этом вспоминать! – отмахнулась мамуля. – Это было лет сто назад!

– Скажи Леопольдовне, чтобы ничего у меня на столе не трогала! – крикнула я перед тем, как закрыться в ванной.

– Александра! – Мамуля не дала двери захлопнуться. – Я очень тебя прошу, выгляди сегодня прилично! Человек первый раз тебя видит, что он подумает?

– Господи, да я-то ему зачем! – отмахнулась я. – Он же к тебе приезжает...

– Он приезжает по делам, – строго напомнила мамуля, – а твой внешний вид – это форменное неуважение к гостю!

– Мам, ну что же делать, если я некрасивая уродилась, – заныла я, – мам, я на работу опоздаю...

– На свою работу ты можешь хоть вообще не ходить! – закричала мамуля. – Лучше бы занялась собственной внешностью, тогда, глядишь, и работу бы нашла приличную!

На такой выпад я не посчитала нужным ответить, вырвала ручку двери у мамы из рук и закрылась в ванной на задвижку.

Стоя под душем, я подумала, что насчет работы мамуля, безусловно, права. Ей есть на что сетовать, потому что она-то как раз приложила в свое время все силы, чтобы устроить меня на приличную работу.

После окончания мной факультета журналистики мамуля решила, что лучше всего будет устроить меня на телевидение. Там, дескать, все на виду, и больше шансов, что меня заметят и продвигнут. Она нажала на все пружины, вспомнила все связи, телефон чуть не расплавился от бесконечных разговоров. И однажды мамуля торжественно сообщила мне, что есть шанс получить работу на телеканале. Меня приглашают на собеседование. Все, что могла, она для своей дочери сделала, и теперь все зависит только от меня самой. Мамуля еще протатила меня по магазинам и заставила купить брусничного цвета строгий костюм и очки в темной оправе – для солидности.

Утром в назначенный день, обрядив свою дочь во все это, мамуля вытолкала меня из дома, пожелав, как водится, ни пуха ни пера. Не знаю, как бы обернулось дело, возможно, я и сумела бы произвести впечатление на будущего работодателя, но...

Человек я довольно здоровый, редко болею, но природа наградила меня жуткой аллергией на желтые цветы. То есть совершенно распространенный случай – аллергия на пыльцу желтых цветов, это описано в медицинском справочнике. Как только в радиусе десяти метров от меня появляется желтый цветок – одуванчик, первоцвет, желтая ромашка или огромный цветок тыквы, – я начинаю жутко чихать, нос закладывает намертво и из глаз текут реки слез.

Спокойно существовать могу только осенью и зимой – разумеется, если не ходить в ботанический сад.

В тот раз было начало апреля, на улицах еще лежал снег, но у редактора в кабинете стоял огромный букет желтых нарциссов. Я смогла ответить только на два его вопроса, а дальше расчихалась и сквозь слезы успела разглядеть только выражение безразличного удивления на его лице.

Мамуля рвала и метала. Она никак не могла примириться со своим поражением.

Вообще я заметила, что сенная лихорадка ввиду своего проявления не считается у обычных людей за болезнь. Ну подумаешь, почихала немножко. «Еще никто не умирал от чиха», – говорят мне. Так-то оно так, но попробуйте вести переговоры о работе, когда в носу свербит и тушь предательски растекается от слез. Надеяться, что работодатель сам страдает чем-то подобным и проникнется ко мне сочувствием – значит ждать от судьбы слишком многого. Если даже собственная мать заявила мне тогда в пылу ссоры, что я все сделала нарочно, что уж говорить о посторонних...

С телевидением таким образом было покончено, и мамуля устроила меня в газету «Невский вестник». Меня взяли в отдел культуры, но назначили испытательный срок. Сначала все шло хорошо, я довольно быстро освоилась в газете, но когда испытательный срок подходил к концу, в нашем городе проездом оказался известный дирижер. То есть когда-то он жил в нашем городе, но после того как получил всемирную известность, судьба забросила его не то в Париж, не то в Мадрид – словом, застать его в Питере считалось величайшей удачей, а взять интервью – недостижимой мечтой каждого журналиста, работающего у нас в отделе культуры.

Он согласился выкроить несколько минут в своем расписании, и, можете себе представить – послали меня! Кто-то был в отпуске, кто-то – в командировке в Сочи – там проходил кинофестиваль, словом, все приличные люди куда-то испарились, и судьба дала мне шанс пообщаться к искусству в лице великого дирижера.

Надо сказать, она же, сволочь судьба, я имею в виду, этот шанс тотчас же и отняла. В этот раз дело происходило в конце мая, когда в нашем городе буйно цветут желтая акация, барбарис и чубушник лемуана (это такой отвратительный кустик, усеянный достаточно крупными желтыми цветками).

Мы с дирижером условились встретиться в холле гостиницы, а перед гостиницей был скверик, где присутствовали все вышеупомянутые кусты.

В холл я вошла, заливаясь соплями и закрывая лицо платком, так что портье даже забеспокоился, не плохо ли мне. От чиха я ничего не могла произнести, и дирижер, который вышел в холл, не опоздав ни на минуту, очень встревожился, одолжил мне свой носовой платок, но потом посмотрел на часы, извинился и сказал, что время мое вышло, а он сейчас должен спешить в аэропорт. Самолет, сами понимаете, ждать не будет.

Фотограф Витька Колобков успел только сделать несколько снимков, но без интервью они были не нужны. Витька жутко на меня разозлился и настучал начальнику отдела. Как уж он там живописал мое поведение, не знаю, но из отдела культуры меня выперли с треском.

На память о несостоявшемся интервью у меня остался только носовой платок великого человека.

Вы, может быть, хотите спросить: отчего я не пользуюсь различными препаратами, которые так широко рекламируются? Человек глотает таблетку и тут же нюхает букетик цветов или прижимает к груди любимого котика. Я вас умоляю, моя аллергия плевать хотела на все супрастины и кларитины! Чихать я все равно буду, только в сон клонит и голова тяжелая, как чугунный шар, ни строчки не напишешь...

У мамули на все свое мнение, она утверждает, что у меня это нервное. Действительно, мне достаточно увидеть по телевизору букет чайных роз, как становится трудно дышать, а если хотите испортить мне настроение, пришлите по почте открытку с желтыми хризантемами.

Все эти безрадостные мысли текли в моей голове, пока теплые струи омывали тело.

– Александра! – Мамуля стучалась в дверь. – Вот теперь ты действительно опоздаешь!

На кухне был налит для меня кофе и лежал один сухой тост – мамуля знает, что ничего, кроме этого, я утром проглотить не могу. Она редко варит для меня кофе, так что я сразу же заподозрила, что ей от меня что-то нужно.

– Сашура! – просительно сказала мамуля. – Я сегодня никак не могу вернуться раньше семи, так что будь добра, посиди дома...

– Это еще зачем? – уставилась я на нее, но, заметив, как потемнели от гнева мамулины глаза, вспомнила: – Ах да, твой Петр Ильич... А он к музыке никакого отношения не имеет?

– Оставь, пожалуйста, свои насмешки! – вспыхнула мамуля. – Неужели трудно сделать для матери такую простую вещь?

– Ну хорошо, хорошо, я отпрошусь пораньше, – согласилась я, – поработаю дома...

Редакция нашей газеты «Невский вестник» находится в самом центре города в потрясающем старом доме, принадлежавшем до революции известному книгоиздателю Марксу, однофамильцу бородатого философа. Этот дом отличается замечательно запутанной планировкой, свежий человек, войдя в него, ни за что не найдет нужную комнату, а после часа бесплодных блужданий не сможет без посторонней помощи выбраться наружу. Бесконечные лестницы и лесенки соединяют этажи и коридоры марксовского дома самым причудливым образом. На пятый этаж можно попасть только с третьего, а на шестой – только со второго.

Коридор четвертого этажа славится тем, что из его окон можно увидеть знаменитый двор с водосточными трубами в форме драконов и крылатых рыб, а на шестом этаже, говорят, есть комната, в которую попасть вообще невозможно, хотя оттуда временами доносятся стук пишущей машинки и нецензурные выкрики.

Отдел, в котором я работаю, в газете называют лягушатником. Для этого есть две причины. Первая, более очевидная и не такая обидная, заключается в том, что наш отдел размещается в бывшей ванной комнате, о чем напоминают сохранившиеся кое-где на стенах остатки кафельной плитки и тематическая роспись на потолке – изображенное с большим вкусом болото, поросшее осокой и камышами, по которому важно вышагивает красивая длинноногая цапля, выискивая спрятавшихся там и тут очаровательных ярко-зеленых лягушек. Вторая причина, о которой мы предпочитаем не вспоминать, та, что наш отдел – самый незначительный, неперспективный, непрестижный в газете, короче – болото.

К нам ссылают работников, не вписавшихся в основные отделы.

Вообще по внешнему виду сотрудника газеты сразу можно узнать, в каком отделе он работает: в отделе новостей – модные, хорошо одетые парни с легкой щетиной на щеках, с горящими взглядами и такими быстрыми движениями, что здороваться с ними нужно, как стрелять по самолету – с упреждением.

В спортивном отделе – коротко стриженные бывшие спортсмены, толстеющие от превращенных тренировок, в мешковатой и вечно измятой одежде, с легким запахом спиртного и отчетливо выраженными криминальными знакомствами.

В нашем отделе работают профессиональные неудачники. Во главе дела стоит Анфиса Сорокопуд, худая и злая, как плюющаяся кобра.

«Нашей Анфисочке поправиться бы, – сказал как-то на пьянке Мишка Котенкин, – фамилия-то располагает... да только стервы толстыми не бывают...»

Впрочем, Анфисой мы называем ее довольно редко, между собой и за глаза зовем не иначе как «наша Гюрза».

Тот же Мишка Котенкин в приступе творческого вдохновения раскопал в Интернете замечательную фотографию гюрзы, поедающей бедную, беззащитную лягушку, и разместил ее

на своем компьютере в качестве «обоев», так что теперь каждый день, включая и выключая машину, он смотрит в ясные глаза любимой начальницы.

Наша Гюрза отвечает Мишке полной взаимностью. Подозреваю, что ее злобность и истерический характер вызваны в значительной степени тем, что Гюрза считает себя незаслуженно обойденной: руководить отделом неудачников, «болотом», для ее самолюбия ужасный удар.

Сам Мишка Котенкин, на которого я уже несколько раз ссылалась, – это, можно сказать, луч света в нашем болоте. Остроумный веселый мужик лет тридцати пяти, он умеет ладить с людьми, знает, где и что происходит, дружит с половиной города... Он был бы очень хорошим журналистом, если бы не один большой недостаток: Мишка совершенно не умеет писать. Иногда он по полдня сидит над какой-нибудь дурацкой фразой, и все равно у него выходит скучно, блекло и суконно.

«Гастроли знаменитого английского коллектива прошли с большим успехом», – пишет он о приехавшей в Питер легендарной группе.

– Мишка! – кричит на него большой поклонник музыкантов Кап Капыч. – Ты что – про нижнетагильскую самодеятельность пишешь? Мишка, я на концерте этих «Кридонс» был... Там одни немолодые мужики собрались – целый зал! И еще их любовницы – ну эти-то как раз помоложе. А музыканты-то сами уже не мальчишки... Но как начали они играть! Мишка, ведь это юность наша вернулась! Ведь мы же мальчишками и думать не могли, что когда-то их живьем услышим – при Советской-то власти! Там мужик один в зале плакал, да и я сам чуть слезу не пустил! А ты – «гастроли... с большим успехом...», тьфу!

Мишка краснеет, но ничего поделать не может: литературных способностей Бог не дал. Поэтому он вечно шатается по редакции, слушает разговоры и умоляет:

– Как, как ты сейчас сказал? Ну-ка повтори, я спишу фразочку...

Упомянутого мной Как Капыча вообще-то зовут Петя Капитонов, но поскольку он ведет в нашей газете воскресные разделы для женщин: рубрику «Хозяйке на заметку», страничку для девочек «Подружка», колонку «Советы доктора Капитоновой» (как похудеть за два месяца на двадцать килограммов, не отказывая себе в любимых заварных пирожных), – злые редакционные языки прозвали его Капитолиной Капитоновной, а потом – Кап Капычем. Кличка прилепилась намертво.

Кап Капыч – спокойный, добродушный дядька с большим пузом, могучими плечами бывшего борца и окладистой бородой. Для работы в основных, престижных отделах редакции у него недостает темперамента, а в своих дамских рубриках Петя чувствует себя как рыба в воде. Со временем он научился неплохо готовить, часто приносит на работу печенье собственной выпечки, а в ящике стола прячет спицы и клубок шерсти.

Не так давно главный редактор газеты, которого мы видим реже, чем радугу зимой, решил печатать на последней полосе материалы на темы секса и эротики, и эта тематика обрушилась на бедного Кап Капыча, как снег на бедуина. Теперь, кроме привычных советов по похудению и ведению домашнего хозяйства, бедный Петя отвечает на страницах нашей газеты какой-нибудь Марии Петровне Кукушкиной, озабоченной тем, что ее муж на сорок пятом году совместной жизни исполняет супружеские обязанности без прежнего вдохновения.

«Мне очень понятны ваши проблемы, дорогая Мария Петровна, – пишет Петя от лица доктора Капитоновой, – два года назад мой муж тоже начал охладевать к исполнению своего супружеского долга, но я не пустила это дело на самотек, а приобрела несколько комплектов очень сексуального французского нижнего белья и записалась на курсы эротического танца при районном Дворце творчества юных. С тех пор моего Антона Антоновича как подменили, и он исполняет супружеские обязанности не реже трех раз в день...»

Со своими рубриками Кап Капыч справляется успешно, но от него требуют еще и эротических рассказов. Это для него оказалось непосильной задачей, и эротическую прозу взвалили на мои хрупкие плечи. Вообще так сложилось, что мной в отделе затыкают все дыры – и в

переносном смысле, и в буквальном. Когда в газете неожиданно снимают какой-нибудь материал и на страницах возникает белое пятно, главный звонит Гюрзе, а Гюрза подзывает меня и шипит сквозь зубы:

– У тебя все равно нет никакой работы. Ну-ка набросай по-быстрому двадцать строк по проблемам детской наркомании! Чтобы через сорок минут материал был готов!

И я послушно сажусь за компьютер и выдавливаю из себя двадцать строк, как Антон Павлович Чехов выдавливал из себя раба.

Сегодня в нашем «лягушатнике» все было как обычно, только что-то не видно Мишки Котенкина. Перекинувшись парой слов с Кап Капычем – он напомнил, что за мной эротический рассказ к пятнице, – я раздумывала, как бы половчее поговорить с Гюрзой, когда она сама позвала из кабинета:

– Петухова, зайди ко мне!

Петухова – это я.

Гюрза сидела за столом. Перед ней я с удивлением обнаружила мою отпечатанную статью про центры досуга для пожилых людей. Гюрза безжалостно черкала по ней красным карандашом.

– Не умеешь построить фразу, – шипела она, – чему вас только в университетах учат?

Я мгновенно разозлилась. Именно над этой статьей я работала долго и написала ее хорошо. Тему предложила мне соседка-пенсионерка. Она как раз посещала этот самый центр досуга и рассказала подробно, чем там занимаются старушки. Относительно построения фразы у меня тоже было все в порядке. С этим соглашался не только Мишка Котенкин, но и остальные сотрудники.

Я заглянула Гюрзе через плечо. Она правила текст, и я вовсе не уверена, что он от этого стал лучше. Но попробуй поспорить с начальством, все на тебя попадет! К тому же нужно было уйти пораньше... И я смолчала.

Гюрза, которая ожидала возражений, слегка удивилась и подняла на меня глаза. Я стояла, вытянув руки по швам и вылупившись на нее, как новобранец.

– Что ты молчишь?

– Если хотите, я переделаю или новую напишу! – гаркнула я.

– Ну ладно, – смягчилась Гюрза, – не нужно переделывать, вот тут исправить, и все...

Я чуть не ляпнула: «Рада стараться!» – но вовремя прикусила язык – был уже явный перебор.

– И вот еще что, – продолжала наша пресмыкающаяся, – Котенкин заболел, так что с тебя видеобзор, музыкальные новинки и книжный рынок.

– Вот мило! – фыркнула я. – Да времени-то всего ничего осталось!

– Ничего, не рассыплешься, – в своей обычной манере заметила Гюрза.

– Тогда буду дома работать! – потребовала я. – Чтобы не отвлекали.

Гюрза издала звук – нечто среднее между фырканием и кашлем, я посчитала это за согласие и поскорее удалилась из кабинета.

В квартире было тихо и относительно чисто после визита Анны Леопольдовны. Пахло мамулиными пирогами. Вспомнив наставления мамы, я постояла несколько минут перед зеркалом – причесалась и слегка подвела глаза. Обычно дома я хожу в спортивных брюках и старом свитере, но в этот раз мама очень просила выглядеть прилично. Однако выбирать как-то было не из чего. Я уже говорила, что не очень-то обращаю внимание на свою внешность и не стремлюсь пополнять гардероб. Это у мамы шкаф буквально набит тряпками. Я же в основном предпочитаю носить брюки. Вот недавно в «Бенатоне» была осенняя скидка, и мне достались две пары джинсов по цене одной. Цвета тоже подходящие – ярко-розовый и ярко-зеленый. В этот раз я остановилась на зеленых джинсах, а к ним дивного оттенка рыжий сви-

тер, связанный Петей Капитоновым мне в подарок. Кап Капыч обожает на меня вязать. Он говорит, что я худенькая, поэтому получается очень быстро – два раза спицами махнул, и рукав уже готов...

Нарядившись к приходу дорогого гостя, я включила компьютер и опомнилась только, когда услышала звонок в дверь.

Дверь я открыла сразу. Сколько раз дорогая мамуля повторяла мне: «Прежде чем открыть дверь, подумай, ждешь ли ты кого-нибудь, спроси, кто там, выгляни в глазок». Своими бесконечными повторениями она добилась только того, что я совершенно отключилась от напоминаний и теперь открываю дверь не спрашивая.

Но в этот раз советы мамули пригодились, дверь же я открыла, потому что ждала ее гостя. На пороге стоял симпатичный немолодой дядечка с добрыми голубыми глазками и редящими седыми волосами.

– Здравствуйте, Шурочка! Вы всегда открываете дверь кому угодно?

– Здравствуйте. Только я Сашенька, – ответила я, улыбнувшись, как могла приветливее. – А вы, наверное, Петр Ильич?

– Совершенно верно. – Он покосился на солидный кожаный чемодан. – Лялечка, должно быть, говорила обо мне. Вы позволите войти?

– Да, конечно, – спохватилась я, – мама говорила... Поэтому я так и открыла без распросов.

Я помогла ему внести чемодан – хотя он и сопротивлялся, повторяя, что еще не так стар, чтобы позволить женщинам таскать свои чемоданы. На его невысказанный вопрос, точнее, на быстрый вопросительный взгляд я сказала, что мама придет часа через полтора, и проводила в приготовленную для него комнату. Самой мне нужно было продолжать работу – как уже говорила, из-за болезни Мишки Котенкина Анфиса поручила сделать за него обзор новинок видеорынка. Я села за компьютер и углубилась в рецензию на фильм ужасов, посвященный захвату нашей родной планеты кровожадными маринованными огурцами с Юпитера.

Разделавшись с этими космическими захватчиками (хотя, конечно, разделалась с ними не я, а очередной голубоглазый бойскаут, превративший кровожадных пришельцев в овощное рагу), я спохватилась, что не исполняю роль гостеприимной хозяйки. Но в это время в дверях квартиры заскрежетали ключи, и на пороге появилась моя дорогая мамуля.

– Лялечка! – воскликнул наш седовласый гость.

– Петруша! – радостно ответила мамуля.

Мне трудно было поверить, что кто-то назвал мою мамулю, эту стопроцентную леди, это воплощение стиля и тона, Лялечкой, но еще труднее – что это сошло ему с рук, однако все было именно так.

Мамуля немедленно устроила мне сдержанную и очень стильную выволочку за то, что не занимаюсь гостем, не кормлю его, не развлекаю разговорами и вообще веду себя как невоспитанный ребенок. Но тут уж мы с Петром Ильичом выступили единым фронтом, доказывая ей, что человеку с дороги надо дать пять минут (или там полтора часа, но кто считает), чтобы очухаться, переодеться и прийти в себя, не говоря уже о том, что хотя мне и разрешили сегодня вернуться пораньше, это не значит, что можно не выполнять свою работу.

При слове «работа» Петр Ильич несколько оживился и сделал было попытку расспросить насчет моей трудовой деятельности, но мне удалось ловко уйти от ответа. Терпеть не могу, когда люди расспрашивают меня о работе! Некоторые несведущие личности считают, что жизнь журналиста – это один сплошной праздник, посещение выставок, презентаций, всевозможных тусовок. Другие люди при слове «журналист» вспоминают несколько известных имен – в основном тех, кого часто видят по телевизору. Есть действительно серьезные журналисты, которые много и хорошо пишут, но их немного – потому что либо ты пишешь, либо болтаешься по тусовкам.

Мне нечем хвастаться – работаю много, но рутинно, поэтому не люблю распространяться об этом.

Мамуля заварила свой любимый чай с бергамотом и благоухала на всю кухню смесью «Графа Грея» с «Шанелью № 5». Пока она ставила на стол огромный и румяный пирог с капустой, я в своей обычной манере доедала последний маринованный огурчик, случайно затерявшийся в банке, – все равно на всех его не хватит, а что я достаю огурцы из банки рукой, так они такие скользкие!

Петр Ильич тем временем сидел в углу, с умилением наблюдая за мамулиным хозяйственным рвением, и одновременно продолжал допытываться, чем же я, собственно, зарабатываю на хлеб и огурцы. Я сдалась и вкратце рассказала о трудных буднях среднестатистического репортера, не дооцененного начальством и окружающими. Петр Ильич сочувственно покивал, но затем, к моему удивлению, не ограничился ни к чему не обязывающим сочувствием, а выдал сногсшибательную сентенцию, поражающую своей свежестью, как ментоловая жевательная резинка:

– Каждый человек – кузнец своего счастья! – И продолжил в той же ментоловой манере: – Не надо ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача.

Я подумала, что с этим оракулом мы будем иметь массу неприятностей – в смысле того, что он окажется страшным занудой и будет поучать меня, пока не надоест до чертиков, но мамуля в это время поставила на стол чашки, сахарницу, печенье с тмином и свой любимый серебряный чайный набор. Я так поразились, что забыла даже о мудрых высказываниях Петра Ильича.

Дело в том, что этому серебряному набору, в который входят три пары щипчиков, назначение которых я всегда путаю, и три вилочки, с которыми дело обстоит примерно так же, почти двести лет. И мамуля сервирует им чай крайне редко, для самых дорогих и почетных гостей.

Я внимательно посмотрела сначала на набор, потом на Петра Ильича, потом на мамулю. Она была сама любезность и приветливость. Но я-то хорошо изучила свою мать и могу определить, когда она просто любезна, а когда по-настоящему радуется гостю. Так вот, сегодня она действительно была рада. Она смотрела на этого бодрячка Илью Петровича, то есть – тьфу! – Петра Ильича, совершенно телячьими глазами, улыбка умиления не сходила с ее лица. Кем он ей был? Говорит, что учились в институте, а такое впечатление, что сроднились, сидя в яслях на одном горшке... И потом он, кажется, гораздо старше... хотя мамуля-то умеет маскировать свой возраст как никто! Больше сорока пяти ей не дашь, а на самом деле моей мамочке... если родила она меня в двадцать восемь, а мне сейчас двадцать пять... то мамуле... ужас какой, если она узнает, что я разболтала ее возраст, она просто сживет меня со свету!

Надо отдать должное мамуле и ее гостю: после совместного чаепития они удалились в мамулину комнату и предались там воспоминаниям юности, а меня оставили в покое. Я быстро выудила из Интернета все, что касалось музыкальных новинок, и накатала рецензию на новый детективный роман Мымриной «Затерянный в супермаркете». На сегодня работу можно было считать законченной, но отчего-то я не испытывала никакого морального удовлетворения.

Я выключила верхний свет и легла на диван. Было скучно, не хотелось ни читать, ни смотреть телевизор. В такие минуты я сама себе бываю противна. Некрасивая, заурядная личность, к тому же абсолютно бесталанная. Гожусь только на то, чтобы давать краткий обзор новинок видеорынка. Ничего не читаю, кроме дурацких детективов, и те приходится просматривать наспех, а иногда просто заглядывать в конец, иначе никакого времени не напасешься. Мне двадцать пять лет, но нет на примете ни одного приличного мужика, с которым хотелось бы не то чтобы жить вместе, но хотя бы встречаться чаще, чем раз в две недели. Относительно замужества даже мамуля никогда не заводит никаких разговоров, она понимает, что ее дочь для замужества вряд ли когда созреет.

Провалявшись в полутьме минут сорок, я решила, что хватит заниматься самобичеванием, и вскочила с дивана. Вдохнула свежий вечерний воздух из открытого окна и подумала, что если бы все на самом деле обстояло так плохо, как я сейчас представила, то выход у меня был бы только один – немедленно выброситься из этого самого окна на улицу, а учитывая, что мы живем на втором этаже, вряд ли удалось бы достичь желаемого эффекта.

На самом деле со мной все не так уж отвратительно. Насчет красоты, как утверждает мамуля, все относительно. То есть если уж меня совсем припечет, можно отдаться в мамулины опытные руки, и она сумеет сотворить из своей непутевой дочки что-то приятное для глаз. Дальше, я вовсе не одинока, меня любят в редакции, и еще есть куча приятелей. Относительно мужчин: только не подумайте, что я старая дева! Все в этом смысле нормально, все произошло в свое время, просто я считаю, что любовь в жизни не главное. И пишу я не так плохо, просто Гюрза придирается – такая уж стерва уродилась. И если сейчас встряхнуться и сделать несколько звонков, то можно закатиться с компанией в ночной клуб или в ресторан.

Успокоившись, я послушала еще немного, как на улице заливается сигнализация в машине соседа, закрыла окно и легла спать.

Вернувшись на следующий день с работы, я обнаружила в доме кучу гостей. Очень мило: мамуля даже не удосужилась предупредить.

Мамуля сбилась с ног и летала как заведенная из кухни в комнату. Увидев меня, она прощebetала что-то и упорхнула, а в коридор выплыла Ираида.

– Сашок, привет! – Она подставила щеку для поцелуя.

Я ткнулась носом в тугую щеку, в который раз поразившись ее упругости. Ираида – старинная мамулина приятельница, сколько себя помню, вечно она толчется у нас в доме. Сама по себе Ираида ровным счетом ничего собой не представляет – работает где-то изредка непонятно кем, но есть у нее постоянное хобби: Ираида коллекционирует мужей. Сейчас она на перепутье после четвертого, но, зная Ираиду, все уверены, что скоро быть ей замужем за пятым. Внешность у нее яркая и довольно-таки вульгарная, она любит носить блестящие платья, на шее какое-нибудь монисто и в ушах – огромные серьги, которые покачиваются и звенят при ходьбе, как китайские колокольчики от ветра. Все четыре предыдущих Ираидиных мужа были абсолютно разными: первый – физик, доктор наук, он сейчас в Штатах, второй или третий – директор кафе «Сарацин», что на Большом проспекте (директор сейчас в Израиле, а вместо кафе в том помещении находится зоологический магазин «Кошачьи подарки»). Был среди мужей нищий запойный художник и уж не помню кто еще, но у всех этих мужчин была одна, вернее, две общих черты: во-первых, они все по очереди женились на Ираиде, а во-вторых, все они, несмотря на разницу в общественном положении, были людьми талантливыми и очень незаурядными. Ираида, несмотря на кажущуюся внешнюю недалекость, обладает сверхъестественным нюхом на интересных мужчин. Она выискивает их где угодно и умеет заинтересовать своей персоной настолько, что многие решаются на ней жениться. Правда, продолжались все ее браки недолго – максимум лет пять, но все же количество мужей о чем-то да говорит.

Трудно себе представить более несхожих людей, чем Ираида и моя мамуля, но тем не менее дружба их продолжается, как я уже говорила, много лет. Думаю, что мамулю с ее стильностью и хорошими манерами не может не отталкивать Ираидина вульгарность, но ее, как и всех нас, привлекает Ираидина жизнерадостность и неиссякаемый оптимизм. Ираида просто налита жизненной энергией, она бьет из нее через край.

– Как жизнь? Что-то бледненькая, хахаль бросил? – забросала меня вопросами Ираида.

Я не обиделась бы на нее, если бы даже и вправду меня только что бросил хахаль, – Ираида никогда не говорит людям гадости из любви к искусству.

– Устала что-то, – пожаловалась я просто так, чтобы что-то ответить.

– Это нехорошо, с этим надо бороться, – всерьез озаботилась Ираида, – мужика заведи себе поздоровее – все как рукой снимет.

– Где его взять-то? – уныло возразила я. – На дороге не валяется...

– На дороге только дерьмо валяется, – согласилась Ираида, – хорошую вещь на дороге не найдешь.

– Помогла бы, что ли, – машинально бормотала я, снимая ботинки.

– Сама сейчас на безрыбье, – вздохнула Ираида, но я-то видела, как горят у нее глаза охотничьим блеском, а лучи обаяния, исходившие от нее, можно было наблюдать в темноте невооруженным глазом.

Из кухни выглянул Петр Ильич. Был он без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами, мамулин клетчатый передничек смотрелся на нем как фиговый листок на носороге.

– Сашенька, детка! – обратился он ко мне. – Где у вас штопор?

Я только хотела ответить, как мимо пронеслась Ираида с криками: «Я знаю, я сейчас найду!» Она смела меня под вешалку и исчезла в кухне. Ошеломленно потирая ушибленный бок, я скрылась в своей комнате.

На мониторе компьютера был прикреплен листок бумаги с нарисованным на нем черным фломастером восклицательным знаком. Это были ценные указания от мамы: переодеться, причесаться, подкраситься, соорудить на лице приветливую улыбку и немедленно выйти к гостям. М-да, пожалуй, сегодня не спасут никакие джинсы, хоть серо-буро-малиновые. Мама заботливо выложила для меня длинную черную юбку, ею же когда-то и купленную, и темно-сиреневый джемперочек. Ну что ж, не будем спорить с мамулей, тем более что мне абсолютно все равно, что надеть. Откровенно говоря, раньше я всегда считала, что сиреневый цвет хорош только в одном случае – на благоухающих весной кустах сирени, но в нынешний сезон все с ума посходили от сиреневого. Сиреневые костюмы, сумочки, сиреневые куртки с сиреневым же мехом и даже сиреневые легковые автомобили! Что ж, не будем отставать от моды.

Я принарядилась, зачесала волосы и, внимательно оглядев свитерочек, подобрала ему в тон губную помаду – валялась какая-то в ящике с незапамятных времен. Взглянув напоследок в зеркало, я сама поразилась полученному эффекту. Яркие губы очень оживляли лицо, и глаза приобрели этаким таинственным блеском... Пожалуй, мама не так уж не права, когда придает такое значение косметике и одежде.

Застолье было шумное и веселое – моя мать умеет принять гостей. Я скромно сидела в уголке, потому что мамыны знакомые не вызывают у меня интереса – другое поколение, сами понимаете. Я вообще не люблю застолий, потому что не ем мяса. Не подумайте, что выпендриваюсь или комплекую по Фрейду – мол, в детстве в деревне зарезали любимую курочку или поросеночка. Я вообще в деревне была два раза в жизни, и никаких курочек там в помине не было. Просто в раннем моем детстве родители с удивлением обнаружили, что у ребенка стойкое отвращение к мясу. Тошнит меня от всего мясного похлеще, чем беременных!

Проблемы начались в детском саду – там никто не хотел со мной возиться, и пытались заставить есть насильно. Родители таскали меня по врачам, пока один старенький профессор не сказал им в приватной беседе, чтобы оставили ребенка в покое. Ну не принимает организм мяса, так еще неизвестно, может, это мы все ненормальные, а не девочка!

До сих пор не могу представить, как можно съесть эти ужасные жилистые куски чего-то красно-коричневого...

Вот такая уродилась. Одна аллергия, одна фобия, а в остальном, прекрасная маркиза, как поется в старой песенке, все хорошо, все хорошо!

Так что я смиренно сидела, отгородившись графином с клюквенным морсом, навалив полную тарелку помидорного салата, и старалась не смотреть в тарелки остальных гостей, которые жадно поедали шашлыки, лично приготовленные Петром Ильичом.

Вообще гвоздем вечера, несомненно, был Петр Ильич, то есть мамуля позвала гостей, чтобы продемонстрировать всем именно его. Что уж такого замечательного она в нем отыскивала, понять не могу, но даже голос ее, когда она обращалась к своему Петеньке, звучал по-иному – в нем появлялись интимно-воркующие нотки. Не могу сказать, чтобы мне это нравилось, но, в конце концов, какое мне до этого дело! Мамуля хоть и любит повоспитывать, никогда не диктует, с кем мне проводить время, так могу ли я выражать свое недовольство?

И я решила молчать и наблюдать, все равно больше нечего было делать. И к своему крайнему удивлению, я отметила, что не только мамуля проявляет повышенный интерес к нашему гостю из далекого Зауралья. Ираида явно положила на него глаз. Она бросала на него томные взгляды, смеялась грудным смехом и, даю голову на отсечение, наверняка жалась бы под столом к нему мощным бедром, если бы мамуля предоставила ей такую возможность, то есть если бы они с Петром Ильичом сидели рядом. Но мамуля была начеку и отсадила Ираиду подальше.

Вечер подошел наконец к завершению, я долго подвигала себя на мытье посуды и наконец решилась. На кухне уже хозяйничал Петр Ильич все в том же клетчатом мамулином передничке. Я пригляделась к нему внимательнее: на вид не такой уж он и пожилой. Из расстегнутого ворота рубашки виднелась крепкая загорелая шея, весь он был подвижный и подтянутый – одним словом, вполне может произвести впечатление на женщину старше пятидесяти... Это я про мамулю, но вы меня не выдавайте...

Мы мирно сосуществовали на кухне, когда появилась утомленная мамуля. Я ее понимала: самым трудным делом оказалось вытолкать из дому Ираиду. Но мамуля в этом преуспела и теперь присела на табурет перевести дух.

Мы с Петром Ильичом как раз закончили и подсели к ней, чтобы спокойно выпить чайку.

– Вот гляжу я на вас, Сашенька, – вкрадчиво начал он, прихлебывая чай, – и удивляюсь. Такая привлекательная молодая женщина, умница и так, простите, нерасчетливо расходуете свои способности!

– Во-первых, – начала я, поставив чашку и сообразив, что разговора не избежать, – с чего вы взяли, что у меня способности? С чего вы вообще взяли, что я умница? Мы с вами почти не разговаривали...

– Александра! – начала было мамуля, но Петр Ильич остановил ее легким движением руки.

– Уж простите, если кажусь вам слишком назойливым, но наше старинное знакомство с Лялечкой, – тут он повернул голову и ласково посмотрел на мамулю, отчего та заулыбалась, как будто услышала, что массажистка Лина Пантелеймоновна согласна принять ее в любое время без записи, – наше давнее и близкое знакомство позволяет мне... помочь вам советом...

Я смолчала, потому что в голове вертелись только совершенно хамские варианты ответов типа «Не учите меня жить, лучше помогите материально». Мамуля мне такого в жизни не простит!

Петр Ильич принял мое молчание за согласие на продолжение нравоучений и проговорил, отчески коснувшись моей руки:

– Насчет ваших способностей я убедился, прочитав кое-какие ваши публикации, Лялечка любезно мне их предоставила.

Я в полном удивлении перевела взгляд на мамулю. Она хранит газеты с моими статьями? Вот уж ни за что бы не подумала!

Мамуля опустила глаза и слегка зарделась.

– Что касается вашего остроумия и привлекательности, эти качества бросились мне в глаза при первой нашей встрече, – гнул свое Петр Ильич.

Польстил, ох польстил мне дамский угодник! Однако нужно было заканчивать бесполезный разговор и идти спать.

– Зауральск – это где? – нарочно грубо спросила я, чтобы Петр Ильич понял, что ничего ему тут не светит.

Думает, приехал из какой-то Тмутаракани, охмурил старую знакомую и ее дуреху дочку, так сразу его и прописали в большом городе. Как говорится, хоть и Северная, а все-таки столица...

Мамуля прерывисто вздохнула и пошла красными пятнами, Петр Ильич же, нимало не смутившись, добродушно рассмеялся.

– Зауральск – это за Уралом, – ответил он в моем стиле.

Теперь уж мне стало неудобно – с чего это я так набросилась на человека? Ну захотелось старичку поболтать, могла бы и потерпеть, тем более что мамуля к нему явно неравнодушна.

– Что вы хотите мне посоветовать? – устало спросила я. – Засесть дома на год и написать роман века? Я не смогу, да и желания нету. Просто стараюсь хорошо делать свою работу, а темы подбирать не всегда удается самой, вот и пишу о чем попало.

– Девочка моя! – вскричал Петр Ильич. – Так в этом-то все и дело! Вы только послушайте меня, послушайте и не перебивайте!

Он отвернулся на секунду, и я увидела, как мамуля под столом показала мне кулак.

– Я вас слушаю, – обратилась я к нашему гостю как можно любезнее.

– Каким образом в вашей среде добиваются известности? – Петр Ильич встал и заходил по кухне. – Например, какой-то журналист пишет цикл статей на злобу дня. Статьи должны быть хлесткими, своевременными, интересными. Так?

– Допустим, – осторожно согласилась я, не совсем понимая, к чему он клонит.

– Вы бы могли написать такие статьи, в вас есть задор и чувство стиля!

– Но кто мне отдаст злободневную тему, – уныло забормотала я, – где можно найти что-то приличное, когда все приличное разбирают на корню? Ждать, что нападешь на сенсацию и именно мне дадут ее осветить... наивно.

– Вот! – чуть не закричал Петр Ильич. – Вот, мы подошли к самому главному. Дорогая моя, вы не должны ждать, пока на вашу голову свалится сенсация! Сенсацию нужно сделать, ее нужно выдумать.

Я подняла глаза и постаралась выразить своим взглядом все, что думаю о престарелых маразматиках, приехавших из провинции в большой город. Небось метро ни разу в жизни не видел, вот крыша и поехала!

– Не считайте меня выжившим из ума стариком, – отреагировал на мой взгляд Петр Ильич, – разве в вашей профессии такого не практикуется? Иной раз журналисты раздуют из мухи слона так, что любо-дорого поглядеть! Даже непосвященному все понятно!

– Александра, – поддержала его мамуля, – иногда, знаешь, полезно послушать человека, у которого совершенно иная точка зрения...

– Вы предлагаете мне обманывать читателей? – слабо отбивалась я.

– Ну-ну, не делайте вид, что ваши собраты по перу всегда безупречно честны... – рассмеялся Петр Ильич. – К тому же я вовсе не призываю вас искажать информацию. Поскольку информация будет выдуманная, то от того, извратите вы ее или нет, вреда никому не будет.

– Вреда может и не будет, – упрямилась я, – но никакой пользы я тоже не вижу.

– Глупая, ты заработаешь себе имя! – закричала мамуля, потеряв терпение.

– Да с чего ты взяла, что в газете станут печатать мои опусы? – закричала в ответ я. – Они просто отправят ненужные статьи в корзину.

– А вы попробуйте, – лукаво предложил старый искуситель, – вдруг совершенно случайно вам повезет? Может же так случиться, что ваш материал кому-то покажется подходящим?

Я вспомнила, сколько раз мной затыкали дыры в номере, и нехотя согласилась.

– Ну и как вы конкретно это себе представляете? – Я уже утратила агрессивность и знала в душе, что соглашусь на авантюру. – Каким образом я должна создать сенсацию и провести журналистское расследование незнамо чего? Откуда я должна выкопать материал?

– Милая, так вот это-то как раз проще простого! – воскликнул Петр Ильич. – В любой газете вы найдете кучу материала. Главное – это его правильно подать... Да вот хоть здесь, – он схватил валявшуюся на холодильнике газету, – вот, криминальные новости... так-так, в парадной дома номер такой-то был убит заместитель главного директора охранного предприятия «Барс» Леонид Таран.

– Где? – Я взяла из его рук газету. – «Жертве нанесли удар тяжелым предметом по голове, а потом выстрелили в голову из пистолета мелкого калибра». Ну и что? Ясно, что заказное убийство, и милиция тут будет работать вовсю, а если что-то прояснится, то писать об этом будет тот репортер, кто дал заметку в газету, – у него небось все схвачено.

Петр Ильич склонился и прочитал у меня через плечо:

– «Взрыв машины на улице Гданьской. Вчера утром у дома номер пять по улице Гданьской взорвалась машина директора фирмы „Валенсия“ Георгия Деланидзе. В машине находился автомеханик, Иван Самойлов, которому Деланидзе дал ключи от машины для проведения ремонта. Совершенно ясно, что целью взрыва было убийство владельца автомашины, а механик погиб случайно...»

– Ну, из этого тоже ничего не выжмешь, – убежденно произнесла я. – Этот самый Георгий Деланидзе на уши поставит свою охрану. И никаких журналистов, да и милицию, пожалуй, тоже близко не подпустит! Раз жив остался, сам поскорее со своими проблемами разберется. А то если на милицию понадеяться, то как бы снова не взорвали...

– Логично рассуждаете, – улыбнулся Петр Ильич, – стало быть, я не ошибся, голова у вас варит неплохо...

– Тут еще двоих чудаков угрохали из автомата Калашникова, – продолжала я, просматривая газету, – один – представитель бандитской группировки, а второй, судя по всему, случайно под пули подвернулся.

– Да, – согласился Петр Ильич, – тут тоже не развернешься. Из убийства обыкновенного бандита сенсации не сделаешь. Вот разве что это... «В ночь со вторника на среду в доме номер восемь по Калужскому переулку было ограблено агентство недвижимости „Домовенок“. Злоумышленники взломали дверь и украли из офиса всю оргтехнику...»

– Ну и что? – сказала я. – В милиции даже дело заводить не станут, то есть дело заведут, но искать не будут. Сами, скажут, виноваты – нужно было дверь израильскую бронированную поставить, тогда шпана и не полезла бы.

– Ну-ну, – усмехнулся Петр Ильич, – допустим, все так и есть. Действительно, кроме шпаны, некому влезть за такой мелочью – факс, компьютер... Но что вам мешает осветить дело совершенно по-иному? Агентство недвижимости, кража компьютера – похищенные файлы... а что в них? Махинации с квартирами... аренда... КУГИ...

Я взглянула на него очень внимательно:

– Откуда вы знаете, что украли факс и компьютер?

– Да Боже мой! – рассмеялся Петр Ильич. – Написано же: украли оргтехнику! Какая оргтехника может находиться в фирме? Ксерокс, факс, компьютер...

– Или два компьютера, – подала голос мамуля из угла, она вообще сидела подозрительно тихо.

– Махинации с квартирами... – пробормотала я.

– Не удивляйтесь, – улыбнулся Петр Ильич, – я читаю газеты, там все время пишут о махинациях с недвижимостью, это злободневная тема.

– Пожалуй, – согласилась я, – но где у меня доказательства? Накатить такие обвинения на ни в чем не повинную фирму! Мало того что обокрали, так еще и в газете поклеп возвели!

– А пусть они докажут, что в их файлах ничего криминального не было! – запальчиво воскликнула мамуля. – Компьютер-то украли!

– Браво, Лялечка, да здравствуют решительные женщины! – воскликнул Петр Ильич и церемонно поцеловал мамулю руку.

Стало ясно, что мне не отвертеться. Эти двое как с цепи сорвались, они заставят меня написать эту чертову статью.

– Вы подумайте, Сашенька, – вдохновенно продолжал Петр Ильич, – это даже прекрасно, что маленькая, незаметная фирмочка. Никто всерьез ею не интересуется, у вас не будет никаких проблем. Ну... как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанское!

– Под лежащий камень, – подхватила мамуля, – вода не течет...

– Мы не можем ждать милостей от природы... – теперь они грянули хором.

– После того, что мы с ней сделали, – буркнула я и отвернулась.

Сама не понимаю, почему я не послала тогда старого искусителя подальше. Наверное, все-таки он обладал какими-то гипнотическими способностями. Правда, тут и мамуля приложила свою безупречно наманикюренную руку.

– Слушай, Александра, что говорит тебе умный и опытный человек! Я понимаю, что слова родной матери для тебя ровным счетом ничего не значат, но ты видишь, что Петр Ильич того же мнения...

Я, честно говоря, ничего такого не видела и считала, что мамуля до сих пор мало интересовалась содержанием моих статей, больше внимания уделяя борьбе за мой внешний вид. Мамуля меня очень удивила, когда я узнала, что она, оказывается, чуть ли не вырезки собирает в папочку. И чтобы эта неожиданно спевшаяся сладкая парочка оставила меня в покое, я села за компьютер, дала волю своему творческому воображению и в два счета настрочила малюсенький материал.

«Мало кто обратил внимание на незначительное, казалось бы, происшествие, имевшее место в ночь со вторника на среду неподалеку от Смольного, в тихом и малолюдном Калужском переулке. Неизвестные злоумышленники взломали металлическую дверь в помещении агентства недвижимости „Домовенок“ и похитили оргтехнику. Казалось бы, совершенно заурядное событие, не о чем говорить. Такие мелкие кражи со взломом едва ли не ежедневно происходят в нашем городе и давно уже никого не удивляют. Воруют куда масштабнее, воруют вагонами и целыми составами, а тут подумаешь, оргтехника! Однако давайте задумаемся, что же в действительности стоит за этим скучным сообщением.

Злоумышленники похитили оргтехнику. Какую именно? С большим трудом нам удалось выяснить, что украдены факс, ксерокс и компьютер. Понятно, казалось бы, взяли то, что подороже. Но компьютер – это не просто оргтехника, компьютер – это информация. Вспомним, офис какой именно фирмы подвергся ночному нападению. „Домовенок“ – агентство недвижимости, а недвижимость – это, дорогие читатели, деньги, и большие деньги.

Вспомним также, что ночной инцидент произошел в непосредственной близости от Смольного, где, помимо прочего, размещается Комитет по управлению государственным имуществом – небезызвестный КУГИ.

Из хорошо информированного источника, естественно, пожелавшего остаться неизвестным, мы получили сведения о том, что „Домовенок“ не случайно был расположен так близко к КУГИ. Наш источник утверждает, что именно через эту маленькую и малоизвестную фирму проворачивались большие дела. Именно эта фирма, в частности, занималась оформлением аренды и продажи коммерческой недвижимости, то есть торговых и производственных площадей, по явно заниженным ценам. В чей карман, дорогие читатели, попадала разница? Куда уплывали наши с вами недополученные миллионы? На этот вопрос теперь трудно ответить,

потому что компьютер, в котором хранился ответ на все эти вопросы, украден. Что называется, концы в воду...

Но боюсь, на этом история „Домовенка“ не закончится. Все мы помним громкое заказное убийство одного из руководителей КУГИ. Не ждет ли нас череда столь же громких убийств? Не происходит ли в городе „черный передел“ сфер влияния в торговле городской недвижимостью? Во всяком случае, наш источник, пожелавший остаться неизвестным, предсказывает именно такое развитие событий».

Я поставила точку и подписала материал: «Александра Петухова».

– Не годится, – раздался голос у меня за спиной.

Я невольно вздрогнула и оглянулась.

Оказывается, этот старый инквизитор Петр Ильич стоял сзади и читал статью через мое плечо. Терпеть не могу, когда мне заглядывают через плечо – в книгу ли, в газету ли или в компьютер, как сейчас. Я уже хотела взорваться и нахамить, но перехватила мамулин строгий взгляд и сдержалась, только спросила совершенно ангельским голосом:

– Что не годится – статья?

– Нет, статья как раз вполне приличная, то что надо – в меру пугающая, в меру интригующая. Я в вас не ошибся, Сашенька, писать вы умеете.

Отчего-то мне стало приятно. Все-таки каждый человек падок на лесть!

– Главное, – продолжал Петр Ильич, – намек на загадочный источник информации. А вот подпись – никуда не годится.

– Это уж к мамуле вопрос, – обиделась я, – какую от родителей фамилию унаследовала – той и подписываюсь. И не нахожу в ней, между прочим, ничего постыдного.

– Ничего постыдного в этой фамилии, конечно, нет, фамилия совершенно нормальная, но у такой статьи, да и у любого материала на криминальную тему, автор должен быть мужчина.

– Что еще за дискриминация! – снова возмутилась я – на этот раз всерьез.

– Никакая не дискриминация, а элементарное чувство стиля. Тема жесткая, кровавая, милое женское имя под статьей создает некий стилистический диссонанс.

– Петр Ильич совершенно прав! – немедленно включилась в дискуссию мамуля. – Именно стилистический диссонанс!

В том, что касается стиля, с мамулей лучше не спорить. Хотя я и понимала, что стиль здесь ни при чем, а налицо элементарный мужской шовинизм, но спорить с этими двумя себе дороже. На глазах теряя остатки самоуважения, я смирилась и спросила:

– Ну и как же мне подписаться – Александр Петухов?

– Александр – это очень хорошо: минимальное отступление от истины и вполне мужественно. А вот Петухов... как-то это несолидно! Может быть, лучше Кочетов? Хотя есть такой писатель... Или Кречетов? Вот, пожалуй, отличный псевдоним – Александр Кречетов!

Я хотела было поймать его: «Ага! Все-таки вам наша фамилия не нравится!» – но потом подумала о мамуле и решила промолчать. Кречетов так Кречетов. Все равно Гюрза в жизни такой материал не возьмет.

Наконец эти двое людоедов отпустили меня спать. Я заснула со спокойной совестью – покажу завтра статью Гюрзе, выслушаю от нее обычный нагоняй и забуду про агентство «Домовенок» навсегда.

Мишка Котенкин вышел на работу, но выглядел бледно. Рассказывал всем, что отравился несвежими креветками на презентации по случаю открытия нового сетевого журнала, но Кап Капыч шепнул мне, что Мишка просто перепил там и отлеживался дома, мучаясь похмельем.

Я собралась с духом, открыла дверь в кабинет Гюрзы, положила статью ей на стол и пошла на выход, ожидая предательского выстрела в спину.

Но Гюрза на мою статью даже не взглянула. Она была в обычной истерической запарке, прошипела что-то невразумительное и схватила телефонную трубку – звонил главный. С ним она разговаривала совсем другим голосом. Надо будет как-нибудь поговорить со специалистом по змеям – наверняка у ядовитых змей в период спаривания тоже появляется совершенно другое шипение, нежное и воркующее.

Переговорив с этим небожителем, Анфиса переключила голос на свою обычную тональность и подозвала меня:

– Петухова! Что ты там принесла?

– Статью о намечающемся переделе в сфере...

– Я тебя русским языком спрашиваю, – прервала она, не дослушав, – сколько строк ты принесла?

– Тридцать! – отчеканила я, как дисциплинированный солдат на плацу.

– Давай! В газете окно как раз на тридцать строк – была статья на правах рекламы о корме для попугаев, а рекламодатель не оплатил.

Вот так у нас всегда. Если статья из нашего отдела попадает в номер – только потому, что кто-то вовремя не заплатил за рекламу.

Но на этом, естественно, неприятности не кончились.

Когда газета уже ушла в печать, Гюрза наконец соизволила прочесть статью в гранках и прямо позеленела:

– Петухова! Тебе что – надоело у нас работать?

– Да как вам сказать... – протянула я уклончиво.

– Ты не стесняйся, если надоело – ты так и скажи, мы тебя удерживать не будем. Ты скажи мне, Петухова, откуда у тебя такая информация? Это же полный бред! Ты же меня подставила перед руководством! Хоть бы дала прочесть свою писанину, прежде чем отдавать в печать!

Ну вот это уже действительно полный бред. Мало того что моя статья лежала у Гюрзы на столе, так ведь она сама ее и отдала в печать! Да иначе у нас и не бывает – любые материалы в печать идут только через нее! Но она начальник, а значит, спорить с ней нельзя. По уставу не положено. Поэтому я стою и молчу. К счастью, снова позвонил главный, и Гюрза упорхнула в высшие сферы на летучку. Метла у нее для таких целей всегда в коридоре стоит, припаркована.

* * *

Карина была очень скрытной девушкой.

Когда в разговорах с подругами заходила речь об источниках ее благосостояния, об источниках тех денег, которыми Карина оплачивала свою квартиру и ее обстановку, роскошные тряпки из дорогих бутиков и посещение престижных клубов, элегантный маленький «рено» и поездки на Канары или Мальдивы, – когда речь заходила о ее деньгах, Карина загадочно улыбалась и давала понять, что это ее тайна, ее маленький девичий секрет.

Слегка раскосые глаза Карины, ее экзотическая восточная красота наводили любопытных подруг на мысли о башкирской нефти или якутских алмазах, но дальше таких туманных предположений дело не шло.

С другой стороны, судя по загадочности, которой обставляла Карина свою жизнь, по немногочисленности и осторожности ее романов, по тому, как она строго избегала наркотиков, тяжелых безобразных попок и публичных скандалов, подруги предполагали, что деньги у Карины не от родителей, а от «папика» – немолодого богатого содержателя, которого Карина тщательно скрывает и который требует от нее соблюдения определенных правил поведения.

Действительно, те девушки, которые существовали на родительские деньги – например, Катя Нурепова, дочь бензинового магната, или «мукомольная принцесса» Рената Агапова, – отказывались от кокаина только ради «звездной пыли», трезвыми бывали не чаще раза в год,

любовников меняли чуть ли не ежедневно, а в громкие скандалы попадали и того чаще – родители все простят и вытащат из любой лужи.

На их фоне Карина выглядела тихоней и скромницей. На версию «папика» работало и то, что очень часто в клубе или в бутике, на престижной тусовке или крутой вечеринке в сумочке у Карины звонил мобильник, она слушала несколько секунд и тут же срывалась с озабоченным видом, отвечая на вопросы любопытных подруг только загадочным взглядом своих раскосых восточных глаз.

«Труба зовет! – ехидно переглядывались подружки, как только Карина исчезала из поля зрения. – Папик стосковался и бьет копытом!»

А Карина, несколько секунд послушав сообщение на своем мобильнике, ехала всего лишь в круглосуточный универсам на проспекте Просвещения.

На мобильный ей звонил не загадочный богатый покровитель, а скромная старушка, которая за небольшую добавку к пенсии выполняла роль диспетчера. Ей звонили по домашнему телефону и сообщали, что поезд из Минска задерживается на двадцать, тридцать или сорок минут. Старушка должна была немедленно перезвонить по мобильному телефону и повторить ту же самую фразу. Услышав это сообщение, Карина приезжала в универсам через час двадцать минут, или через полтора часа, или через час и сорок минут соответственно.

В назначенное время она должна была взять на полке в универсаме крайнюю справа коробку кукурузных хлопьев. Дома, открыв эту коробку, она находила внутри дискету, содержащую очередную заказ.

Раз в три месяца вместо заказа дискета содержала новый порядок связи – менялся универсам, менялся тип коробки, служившей контейнером для передачи сообщений. Неизменным оставалось одно: надежность и анонимность связи.

Карина ни разу не видела заказчика. Дискету, содержащую информацию о заказе и порядке расчетов, тщательно запомнив все необходимое, она уничтожала.

Вот и сейчас, сорвавшись из-за столика по звонку мобильного телефона, Карина доехала до проспекта Просвещения, в точно назначенное время вошла в универсам, взяла с полки коробку хлопьев, прихватила для себя йогурт и поехала домой.

Дома она вынула из коробки дискету, вставила в дисковод.

На экране монитора появилось невзрачное женское лицо, адрес и имя: Алевтина Ивановна Фадеева.

Алевтина Ивановна Фадеева работала в отделе нежилого фонда. Этот отдел занимается учетом помещений, непригодных для жилья – допустим, слишком темных, или неотапливаемых, или лишенных необходимых каждому современному человеку бытовых удобств. В некоторых случаях недостатки, присущие этому самому нежилому фонду, превращаются в огромные преимущества. Помещение, непригодное для жилья, тем самым становится «коммерческой недвижимостью», то есть в нем можно открыть магазин, или кафе, или маленький, но очень рентабельный цех по производству высокосортного индийского чая из дешевого грузинского сыра, а также ярких упаковок, напечатанных в соседней типографии.

Короче, нежилой фонд может приносить большие прибыли.

Поэтому множество людей постоянно пытаются перевести помещение из жилого фонда в нежилой, то есть признать его непригодным для жизни.

Вот тут-то на сцене появлялась Алевтина Ивановна. Она осматривала помещение, и с ее органами чувств происходили какие-то чудеса. Особенно подводили ее глаза: им определенно не хватало света, и помещение признавали слишком темным для проживания; также глаза Алевтины Ивановны в упор не замечали санузел и прочие удобства, оборудованные владельцем. Кроме того, Алевтина Ивановна ужасно мерзла – и помещение оформляли как неотапливаемое.

Конечно, все эти чудеса приходилось оплачивать, и оплачивать довольно щедро, – иначе в помещении становилось светло, как в операционной, и тепло, как в машинном отделении «Титаника».

Само собой разумеется, Алевтина Ивановна делилась полученной контрибуцией с вышестоящими товарищами, и те, в свою очередь, закрывали глаза на ее временную слепоту. Помещение благополучно признавали непригодным для жизни, открывали в нем ночной клуб или обувной магазин, и все расходились, довольные друг другом.

Алевтина Ивановна очень дорожила своей работой. Чтобы не сглазить и не привлечь к себе ненужного внимания, она говорила всем окружающим, какая у нее тяжелая и нервная работа и как плохо она оплачивается, – действительно, официальная зарплата ее составляла всего пять тысяч рублей. А неофициальная, значительно более впечатляющая, понемножку накапливалась в уютном тайничке, который предусмотрительная Алевтина Ивановна оборудовала у себя в подоконнике. Этот подоконник был съемный и пустотелый.

Иногда, когда наступал знаменательный момент пополнения сокровищницы, Алевтина Ивановна задерживала плотные занавески, отвинчивала два потайных винта и снимала подоконник с его законного места. Перевернув пустотелую доску, скромная сотрудница отдела нежилого фонда вытряхивала на ковер груды зеленых бумажек, пересчитывала их и прикидывала, сколько на эти деньги можно купить квартир, машин или норковых шуб, сколько месяцев или даже лет можно прожить на Канарах...

Ее согревало само наличие денег, их количество, возможность подержать их в руках, пересчитать, представить себе все открывающиеся возможности...

Алевтина Ивановна своих денег не тратила. Она боялась. Ей казалось, что стоит ей купить хоть что-то превышающее ее официальные возможности, хоть что-то выходящее за рамки скудного пятидесяти тысячного бюджета, ее тут же схватят за руку, посадят в черную машину, привезут в какое-то ужасное место и потребуют ответа: откуда эти деньги? Или еще хуже – ее скромной персоной заинтересуются бандиты и придут к ней, вооруженные паяльниками и утюгами...

Такие страшные истории Алевтина Ивановна слышала от знакомых не раз и ужасно боялась, что это может коснуться ее непосредственно.

Правда, о ее неофициальных доходах все равно знало слишком много людей: во-первых, те, кто платил ей деньги за временную слепоту и глухоту, во-вторых, то начальство, с которым она обязана была делиться... Но об этом Алевтина Ивановна предпочитала не думать.

Жила она одна. Замужем когда-то побывала, и этот период жизни оставил у нее такие неприятные воспоминания, что повторять неудачный опыт она не захотела. Да, собственно, и желающих больше не нашлось. Детей Бог ей не дал, и она рассматривала это как большую удачу. В самом деле, какие уж тут дети при зарплате в пять тысяч и при нежно лелеемом тайничке в подоконнике!

Короче, Алевтина Ивановна Фадеева работала в отделе нежилого фонда и очень дорожила своей работой.

Придя с работы домой, она в прихожей сняла осенние сапоги, с грустью подумав, что они требуют ремонта, а лучше бы купить новые – но где уж тут при такой зарплате!

Потом она включила чайник и поставила на плиту разогреваться вчерашние макароны.

И тут в квартире погас свет. Такое иногда случалось в их доме, когда в сильные холода многие жилцы одновременно включали электрические обогреватели, но сейчас было совсем не холодно.

Алевтина Ивановна очень расстроилась: без электричества не только телевизор не помотришь, но даже и поесть не удастся, поскольку в ее доме и плита, и даже чайник были электрические.

С трудом пробравшись по темному помещению в прихожую, она открыла входную дверь, чтобы позвонить в дверь соседей и узнать, отключился ли свет у них или авария ограничена ее квартирой и нужно просто поменять пробки.

На лестничной площадке царил крошечный мрак. Прикрыв входную дверь, но не запирая ее – иначе пришлось бы в темноте на ощупь вставлять ключи, – Алевтина Ивановна дошла до соседской двери, нащупала кнопку звонка и надавила на нее. Звонка она не услышала. Тут же до нее дошло, что если отключили электричество, то звонок тоже не работает. Можно было, конечно, постучать в дверь, но это было неудобно, да, собственно, уже и не нужно, она уже получила ответ на вопрос, который хотела задать соседям: у них света тоже не было.

В это мгновение ей почудилось в темноте за спиной какое-то движение.

Алевтина Ивановна оглянулась и испуганным дрожащим голосом спросила:

– Кто здесь?

Ответа не последовало, и она, всерьез перепугавшись, сочла за лучшее вернуться в собственную квартиру. Скорее всего свет выключен во всем доме, и десятки людей сейчас звонят в аварийную службу.

Алевтина Ивановна, стараясь не наткнуться в темноте на мебель, пробралась на кухню, с трудом нашла в ящике кухонного стола толстую хозяйственную свечу и продолжала рыться в ящике, где у нее должен был храниться коробок спичек. При этом Алевтина Ивановна мысленно пожалела, что у них в доме электрические плиты, а не газовые – был бы у нее газ, и без ужины не осталась, и спички лежали бы на видном месте.

В это мгновение ей снова почудилось в темноте за спиной какое-то движение. Женщина судорожно напряглась, волосы у нее на голове зашевелились от страха.

Неужели, пока она выходила на лестницу, к ней в квартиру успел забраться злоумышленник и теперь осуществляются наяву все те ужасы, которые она так часто представляла себе, пряча в заветный тайник очередную пачку зеленых бумажек?

Наконец под руку ей попал спичечный коробок. Алевтина Ивановна схватила его, обернулась и чиркнула спичкой, чтобы хоть на мгновение осветить страшную темноту, в которой мог притаиться неизвестный, невидимый враг.

Яркое пламя вспыхнуло на мгновение, но женщина ничего не успела разглядеть, как огонек погас. Причем он погас не сам собой. Его кто-то задул.

– Кто... кто здесь? – проговорила Алевтина Ивановна заплетающимся от страха языком.

Ей ответило только молчание, но она больше не сомневалась в том, что на кухне, кроме нее, еще кто-то есть.

Трясущимися руками она снова попробовала зажечь спичку, но не удержала коробок, уронила его на пол.

Нагнуться, чтобы поднять его с пола, она не могла себя заставить. Женщина, мелко дрожа от страха, отступила к стене, пытаясь вжаться в нее, слиться со стеной, исчезнуть, раствориться во мраке...

И тут ее схватили маленькие сильные руки, и к лицу прижалась тряпка, пропитанная чем-то пахучим, душным, странно знакомым...

Алевтина Ивановна попыталась сопротивляться, но, дернувшись два-три раза, затихла и потеряла сознание.

Карина подхватила безвольно обвисшее тело женщины, включила закрепленный на головном обруче фонарик и потащила Алевтину Ивановну в ванную комнату. Здесь она разделала ее, перевалила через край ванны и уложила так, чтобы создать впечатление, что женщина задремала и захлебнулась. Затем она открыла кран и занялась окружающей обстановкой. Разложила одежду в естественном беспорядке, поставила на видном месте открытую бутылочку с пеной для ванны. Ванна тем временем наполнилась водой. Карина нагнулась над бесчувствен-

ным телом и притопила голову Алевтины Ивановны. По телу пробежала предсмертная судорога. Карина выждала для верности еще несколько минут, убедилась, что женщина не подает больше признаков жизни, и вышла из ванной.

Заказ был выполнен, причем выполнен в полном соответствии с требованиями заказчика: убийству была придана видимость естественной смерти. Алевтина Ивановна была еще жива, когда Карина топила ее в ванне, поэтому при вскрытии в ее легких будет обнаружена вода, и ни у кого не возникнет сомнений в том, что одинокая женщина задремала и захлебнулась. Такое происходит удивительно часто.

Ключи от квартиры были в дверях. Карина заперла двери снаружи и спрятала связку ключей в карман, чтобы выбросить их в безопасном месте. Здесь, конечно, было слабое звено в ее инсценировке. Лучше было бы, если бы ключи остались на месте, но изготовить копии она не успела, заказчик поставил слишком жесткие сроки. Приходилось надеяться на то, что никто не будет слишком серьезно разбираться в несчастном случае с одинокой женщиной, а также на то, что в крайнем случае где-то в сумочке найдется запасной комплект.

На лестнице было темно, и Карина спокойно спустилась и вышла из подъезда, никого не встретив.

Через полчаса после ее ухода ванна, в которой лежала мертвая Алевтина Ивановна, переполнилась, и вода полилась на пол.

* * *

Можете себе представить мое удивление, когда на следующее утро меня разбудил разносящийся по квартире аромат кофе. Встав с дивана, я, едва продрав глаза, притащилась на кухню и увидела лежавшие горкой на тарелке мои любимые пончики с вареньем, которые продаются только в «Севере» на Невском.

– Мам, неужели ты с утра пораньше смоталась в «Север»? – не веря себе, спросила я.

– Ну, во-первых, сейчас уже далеко не утро, – ответила мамуля, – двенадцатый час... Ты хоть помнишь, когда вчера вернулась?

Ну да, я вернулась вчера очень и очень поздно, потому что неожиданно случилась вечеринка у одного кинокритика. Мы познакомились с ним лет пять назад – ехали вместе в одном купе из Москвы, и с тех пор он изредка приглашает меня в гости. Вчера захотелось встряхнуться, тем более что Мишка Котенкин очень просил познакомить его с кинокритиком. Зачем это ему нужно – я не поняла. Критик вообще-то довольно заурядный самодовольный тип. Но время мы провели неплохо, и Мишка завез меня на такси домой часа в два ночи.

– Мам, но сегодня же суббота, мне в редакцию не надо идти, – отмахнулась я. – А если ты сердись, то зачем тогда пончики?

– Это Петр Ильич нас балует, – улыбнулась мамуля.

– Хм, а сам-то он где?

– Ушел по делам. И, Александра, все-таки ты достаточно грубо с ним разговариваешь...

Голос у мамули был непривычно неуверенный, так что я решила оставить ее замечание без ответа.

– Вот, смотри, – мамуля протянула мне газету, – твою статью напечатали.

– Не статью, а заметку, – машинально поправила я.

Действительно, напечатали. Слово в слово, никаких изменений. В газете статья выглядела совершенно не так, как на экране компьютера. Слова приобрели солидность и весомость, несведущий человек, прочитав статью, не усомнился бы в ее достоверности.

Вчера Гюрза после совещания у главного в отдел не вернулась, так что нагоняя мне не последовало. Что ж, напечатали так напечатали, на мой взгляд, это мало что меняет. А от Гюрзы как-нибудь отмахнусь, не в первый раз.

Раздался звонок в дверь, и мамуля пошла открывать. Услышав из прихожей голос Ираиды, я доела пончик и положила себе на тарелку еще два: Ираида и сама поесть не дура, мигом подметет все! На такие мелкие неприятности, как прибавление нескольких килограммов, Ираида никогда не обращала внимания.

Однако сегодня Ираида была явно не в своей тарелке: ненакрашенная, непричесанная и голодная, во всяком случае, на пончики она посмотрела без всякого вожделения.

– Сашка, дай закурить! – обратилась она ко мне, забыв поздороваться. – У тебя, я знаю, есть.

– Мамуля не одобряет, ты же знаешь, – протянула я.

– А мамуля мне коньячку нальет, – обратилась Ираида к вошедшей мамуле.

– Это в двенадцать часов дня? – удивились мы с мамулей хором. – Ираида, алкоголиком станешь...

– Не успею, – отмахнулась Ираида. – Девочки, мне плохо...

Тут мы всполошились по-настоящему – сколько знаю Ираиду, она всегда всем довольна и весела.

– Ты не заболела? – опасливо спросила мамуля, наливая Ираиде коньяку.

Ираида хлопнула рюмку, закусила пончиком, после чего порозовела, закурила сигарету из моей пачки и только тогда соизволила объясниться:

– Черт знает что! Соседка у меня померла. Утонула в собственной ванне.

– Да ну? – ахнули мы с мамулей. – Что, с сердцем плохо стало?

– Сердце у нее здоровое было, врач сказал – просто заснула в ванне и захлебнулась.

– Ничего себе! – вздохнула мамуля. – Так принимаешь себе ванну, задремлешь, а потом найдут чужие люди в голом виде...

Мамулю всегда в первую очередь будет волновать только то, как она выглядит, даже после смерти.

– Сплю я ночью, – начала рассказывать Ираида, загасив сигарету и немедленно прикурив другую, – слышу, будто капает что-то. Прихожу в ванную – батюшки! Весь потолок мокрый, и вода льется. А на часах – полвторого ночи. Я – наверх, стучу, звоню – никто не открывает. Нету, думаю, Алевтины Ивановны, уехала куда-то, а кран забыла закрутить. И еще ругаю ее по-всякому, потому что ремонт только что сделала, и вы знаете, сколько денег отдала!

Голос у Ираиды дрогнул, она налила себе еще коньяку и выпила залпом, как воду.

– На шум соседи выбежали, кто-то вспомнил, что видели, как Алевтина вечером домой шла. Да она вообще никуда не уезжала, всегда с работы – домой, утром – снова на работу...

– А где работала? – машинально поинтересовалась я.

– В нежилом фонде вроде бы... – неуверенно вспомнила Ираида.

– Да что ты? – заинтересовалась я. – И бабки хорошие получала?

– Ну не знаю, – задумалась Ираида, – вечно в одном и том же пальто ходила... Ой, да что об этом теперь говорить!

– А как ее нашли-то? – напомнила мамуля.

– Вот тут самый кошмар начинается! – оживилась Ираида. – Значит, вызвали мы аварийку, приехали они, а краны в подвале заело, не могут они воду закрыть. От меня уже на нижних жильцов протекло, вызвали участкового – времени восьмой час утра – и решились дверь взломать. Потому что сначала-то Алевтину все ругали, а после как-то нехорошо стало на душе – женщина она не слишком-то молодая, как бы чего не вышло. Решили жильцы в случае чего на новые замки скинуться. Пришел слесарь, зашли мы в квартиру – Господи помилуй! Воды по колено, а она сама в ванне мертвая лежит...

Ираида снова потянулась к коньяку, но под укоризненным взглядом мамули отставила бутылку подальше и закурила следующую сигарету.

– Меня, конечно, в ванную не пустили, да и, откровенно говоря, некогда было – воду с пола собирала. Вожусь с тряпкой, а сама реву как дура – думаю, человек умер, а мне денег на ремонт жалко! Сволочи мы все, вот что!

– Не обобщай, – буркнула я. – Что ты так расстраиваешься? Ну, несчастный случай, бывает же...

– Все от одиночества, – всхлипнула Ираида, – жила одна, некому было разбудить...

Как видно, вспомнив про одинокую соседку, Ираида вспомнила, что в данный момент она тоже одинока и нужно с этим срочно покончить. Она приосанилась, обвела взглядом кухню и спросила совершенно иным голосом:

– А что это вы сегодня одни? Где же наш гость, а, Елена?

Мамуле явно не понравился игривый Ираидин тон, а еще ей не понравилось местоимение «наш». Гость был только ее, и Ираиде тут ничего не обломится, говорил ее взгляд.

Я сочла за лучшее ретироваться в свою комнату – пусть выясняют отношения на свободе, а меня ждет все тот же эротический рассказ, который нужно было сдать Кап Капычу еще вчера. Я не успела вовремя и в качестве компенсации обещала еще Пете к воскресенью статью «Женщина и цветы».

Рассказ все не шел, как я ни старалась. И я подумала, что, возможно, Петр Ильич прав, когда упрекает меня в бездействии; возможно, так и нужно – стремиться наверх, чтобы заработать известность, тогда никто не заставит меня писать дурацкие эротические рассказы, в которых, если посмотреть, ничего эротического и в помине нет. Так, сладкая водичка для дам среднего возраста... Сюжет всегда один – двое познакомились и полюбили друг друга. Он должен быть обязательно богатым и красивым, а она – тоже красивая, но богатство не обязательно.

Неужели всю жизнь мне придется заниматься этой ерундой?

Чтобы не раскисать, я решила перекинуться на статью, а то время идет, а дело стоит.

Ираида убралась восвояси, и мамуля тоже засобиравшись уходила на свой «Ленфильм». Леопольдовна по выходным не приходит, так что мамуля немного повозилась в квартире, подметая и распахивая вещи. Я была благодарна, что она не дергает меня по пустякам, и начала:

«Всем своим знакомым женщинам я задаю один простой вопрос: какие цветы вы предпочитаете – гвоздики или розы? И получаю обычно такой же простой ответ: или – или. Или – гвоздики, или – розы, реже – ни то ни другое. Женщины, которая любит одновременно гвоздики и розы, не существует в природе.

Женщина, которая любит гвоздики, признается в этом с охотой, она гордится этой любовью. Такая женщина манерна, искусственна, капризна, очаровательна, она мучает своих поклонников бесконечными претензиями, которые нужно воспринимать как должное. Аромату любого цветка такая женщина предпочитает аромат французских духов и различает по запаху десятки сортов французского парфюма...»

Я писала и косилась на мамулю: конечно, именно она вдохновила меня на этот глубокомысленный пассаж. Изысканная и утонченная леди, воплощение стиля, она наполняла любое помещение легким ароматом французских духов и действительно предпочитала гвоздики любым другим цветам, прекрасно в них разбиралась, выбирая какие-то особенные, «усатые», и утверждала, что некоторые гвоздики замечательно пахнут, во что я совершенно не верю.

Усмехнувшись, я закончила пассаж о гвоздиках: «Женщины естественные, милые, женственные не любят гвоздики или совершенно равнодушны к ним».

Будем надеяться, что мамуля эту статью не прочитает.

Надо было продолжать. Я вспомнила мамулину темпераментную подругу Ираиду и застучала по клавишам компьютера:

«Женщины, обожающие темно-красные розы на длинном черенке, живут сильными страстями, эмоциями, глубокими переживаниями. Именно такая женщина способна бросить в огонь пачку денег и спокойно смотреть, как они горят. Так что мужчинам, ценящим спокойную жизнь и собственную независимость, следует хорошо подумать, прежде чем связать свою судьбу с женщиной, у изголовья которой стоит букет роз...»

Я представила себе, как Ираида бросает в огонь толстую пачку денег, подумала, что это явный перебор, но тем не менее очень развеселилась и продолжила:

«Впрочем, розы, как и женщины, бывают разные. Одна маленькая девочка, рассматривая на выставке натюрморт Ренуара, остроумно заметила, что у этого художника розы такие же, как женщины, – пухлые, рыжие и нахальные. Надо отметить, что женщины, признающиеся в любви к розам, делятся, в свою очередь, на две категории: те, кто их действительно обожает, и те, кто считает, что любовь к розам придает им респектабельности...»

* * *

Выйдя утром к завтраку, я лишилась дара речи.

Мамуля, и всегда придававшая несоразмерное значение внешнему декоруму, на этот раз превзошла саму себя. Стол был накрыт новой скатертью в красно-белую клетку, кроме того, перед каждым прибором походной палаткой красовалась отдельная крахмальная салфетка. Чашки из нашего лучшего парадного сервиза тускло отсвечивали темно-синими кобальтовыми цветами, посреди стола в плетеной корзиночке дымились горячие круассаны, и, конечно, не обошлось без знаменитого серебряного чайного набора.

– Ну, мамуля, ты даешь! – выразила я наконец свое восхищение в доступной мне вульгарной форме и уселась за стол.

Мамуля не обратила на мои слова внимания. Ее глаза блестели, она подливала Петру Ильичу кофе и в полном восторге слушала какие-то его глубокомысленные рассуждения.

Не в силах спокойно смотреть на эту идиллию, я прибавила громкость радиоприемника и прислушалась к тому, что вещала женщина с занудным и нравоучительным голосом школьного завуча с тридцатилетним стажем:

«– В заключении краткого обзора сегодняшних событий я хочу обратиться к вам, дорогие женщины, с призывом: будьте осторожны! Нас окружает в быту столько опасностей! Опасностью может грозить электроприбор и газовая плита, люстра и холодильник... Вчера сотрудница одной из библиотек Евгения Петровна Птицына, вымыв голову, захотела просушить волосы электрическим феном. Все мы проходили в школе такое понятие, как заземление, все должны помнить, как опасно пользоваться электроприборами во влажном помещении. Тем не менее Евгения Петровна включила фен, находясь в ванной комнате, да еще и прикасаясь к корпусу стиральной машины. Результат плачевный: хотя „скорая помощь“ приехала довольно быстро, спасти пострадавшую врачи уже не успели.

Сколько раз уже говорилось об опасности курения в постели! Тем не менее до сих пор находятся легкомысленные люди, которые не обращают внимания на эти предупреждения. Так, вчера сотрудница одной из коммерческих фирм Ангелина Перепелкина прилегла после ужина отдохнуть с детективным романом Анны Мымриной и с сигаретой. Видимо, детектив оказался не слишком увлекательным, и Перепелкина задремала. К счастью, соседка Ангелины почувствовала запах гари и успела затушить тлеющий плед. Ангелина Перепелкина госпитализирована с диагнозом „отравление угарным газом“, но, к счастью, жизнь ее вне опасности.

Помните, дорогие слушатели, что для смертельного отравления дымом достаточно, чтобы сгорело десять квадратных сантиметров одеяла!

Ангелине Перепелкиной спасла жизнь соседка. Тем же, кто живет в одиночестве, нужно быть особенно осторожными!

Вчера вечером одинокая женщина Алевтина Ивановна Фадеева, сотрудница КУГИ, решила принять ванну. Казалось бы, что тут опасного? Однако купание закончилось трагически. Алевтина Ивановна задремала в ванне и захлебнулась...»

– Ничего себе! – воскликнула я. – Ведь это про ту женщину говорят, Ираидину соседку! Вот это оперативность!

– Что такое? О чем ты? – удивленно спросила мамуля.

Мои престарелые голубки, естественно, не слушали радио, занятые исключительно друг другом. Я вкратце пересказала им содержание передачи, в особенности то, что касалось Алевтины Ивановны.

– Ну вот! – торжествующе заявил Петр Ильич.

– Что – ну вот?

Я совершенно не поняла причин его радости. Женщина утонула, а он глядит именинником.

– Вода, в которой утонула Фадеева, льется на твою мельницу! – сказал он, безусловно, красиво, но непонятно.

Я даже не пыталась это осмыслить и просто ждала, когда старый демагог расшифрует свою тонкую мысль.

– Нужно писать следующую статью, – продолжил он командным голосом, как будто это все разъяснило. – Ты в первой статье намекала на какие-то известные тебе якобы махинации с коммерческой недвижимостью?

– Какое там намекала! Я чуть не прямо об этом заявляла, – напомнила я, – по вашей, кстати, указке. На месте директора этого самого «Домовенка» я бы подстерегла меня в темном переулке и набила морду! Устроила человеку неприятности ни за что ни про что!

– Как раз пока у него никаких неприятностей не будет, – хладнокровно заметила мамуля.

– Что значит – пока? – подозрительно спросила я.

– То и значит: пока ты не напишешь следующую статью, – невозмутимо ответствовала мамуля, а старый провокатор кивал из-за ее плеча.

– Ну, знаете! Мне и за ту-то статью от Гюрзы нагоняй был! Как бы вообще с работы не вылететь!

Но кипятилась я больше для вида, потому что и сама понимала, что одна статья никак не может прибавить мне популярности.

– Ладно, раз уж вы так просите... – Я поднялась из-за стола.

– Что значит – мы просим? – возмутилась мамуля, но Петр Ильич дернул ее за руку и показал глазами, чтобы оставила меня в покое, не усугубляла.

Все их перемигивания я видела в зеркале, которое висит у нас в прихожей, в нем как раз отражается часть кухни. Как-то мне не очень понравилось, что они переглядываются за моей спиной, но в голове уже созрел план очередной статьи, и я устремилась к компьютеру.

«В прошлой статье я рассказывал вам об ограблении агентства недвижимости „Домовенок“ и предсказывал, что за этим незначительным с виду событием последуют другие преступления, так или иначе связанные с переделом рынка коммерческой недвижимости. Конечно, мне хотелось бы, чтобы этот прогноз не подтвердился, – меня, как я думаю, и всех вас, дорогие читатели, искренне огорчает, когда наш город называют криминальной столицей России.

Но пока события развиваются именно по моему сценарию, точнее, по тому сценарию, который кажется мне наиболее вероятным.

Снова произошло событие, на первый взгляд совершенно незначительное и не имеющее отношения к теме моей предыдущей статьи.

В сводке несчастных случаев по городу промелькнуло сообщение о том, что некая Алевтина Ивановна Фадеева, одинокая женщина, проживавшая в отдельной квартире на улице Стахановцев, задремала в ванне, захлебнулась и умерла.

Слов нет, засыпать в ванне – это опасно, особенно для одиноких людей, но, так же как в случае с ограблением „Домовенка“, у этого события есть второе дно, и, если внимательно разобраться в деталях дела, можно обнаружить много неожиданного.

Как нам удалось установить, Алевтина Ивановна Фадеева, так неожиданно и трагично ушедшая из жизни, была сотрудником КУГИ, причем работала в отделе нежилого фонда, то есть коммерческой недвижимости, той самой коммерческой недвижимости, о которой мы говорили в предыдущей статье и на рынке которой ожидается серьезный передел сфер влияния.

Случайность, скажете вы? Не много ли случайностей в этом деле? Только что совершенно случайно в агентстве недвижимости похищен компьютер, содержащий серьезную информацию, связанную с торговлей коммерческой недвижимостью, и буквально через несколько дней тоже совершенно случайно тонет в собственной ванне сотрудница соответствующего отдела КУГИ. Какие удобные случайности!

Не логичнее ли предположить одно из двух: либо покойная Алевтина Ивановна была связана с агентством „Домовенок“ и ее устранили конкуренты, старающиеся расчистить поле деятельности, либо в компьютере „Домовенка“ обнаружили сведения о том, что Фадеева обманывала собственное начальство, прокручивала левые, несанкционированные, сделки и ее устранили за такую самостоятельность.

Обе эти версии кажутся мне более вероятными, чем банальный несчастный случай, на котором настаивает милиция, чтобы не брать на себя очередного „глухаря“ – безнадежное, нераскрываемое дело.

Так или иначе, боюсь, что мне придется еще не раз выступать на страницах нашей газеты со статьями на эту тему, потому что „дело „Домовенка““ не закончено, у него будет продолжение, и, боюсь, продолжение это будет еще более криминальным.

Первый труп уже появился в этом деле, первый – но, боюсь, не последний».

Я поставила последнюю точку и подписалась как и в прошлый раз – Александр Кречетов.

Утром в понедельник я вошла в кабинет Гюрзы и с невинным видом положила статью перед ней на стол. Она в это время разговаривала сразу по двум телефонам – точнее, трубку одного телефона прижимала левым плечом и выслушивала чей-то взволнованный монолог, до того громкий, что даже мне было слышно нечленораздельное темпераментное бульканье, а по другому телефону она пыталась куда-то безуспешно дозвониться.

Тот, кто булькал в ее левое ухо, был так возбужден, что не нуждался в собеседнике, и Гюрза только время от времени повторяла «ага», чтобы у него не сложилось впечатление, что он говорит в пустоту. В действительности Анфиса его не слушала и сразу впиалась глазами в мою статью.

Пробежав взглядом по строчкам, она позеленела и подняла на меня глаза, которые абсолютно точно доказывали справедливость присвоенного ей прозвища.

Издав негромкое угрожающее шипение, Гюрза положила правую телефонную трубку, на левом аппарате выключила звук, чтобы ее разговорчивый собеседник не услышал грядущую бурю, и со вкусом заорала:

– По тебе биржа труда плачет! Если тебе работа не нужна – так и скажи! Ты прошлый раз уже протолкнула статью обманом, что же, думаешь, такое еще раз повторится? Завтра же безработной будешь! Откуда ты только выкапываешь весь этот бред?

– У меня есть источник информации, – вставила я дежурную фразу, пока начальница набирала в грудь воздуха для следующей реплики.

– Чушь собачья, а не информация! – взвизгнула Анфиса и за неимением других аргументов схватила мою статью и изорвала ее на мелкие клочки.

Я пожалала плечами: естественно, статья была у меня в компьютере, и еще раз напечатать ее не составит труда. Другое дело, что в номер Гюрза ее теперь точно не пропустит, так что, похоже, мои труды пропали зря.

– Мне еще нагорит за тебя! – снова завелась Анфиса. – Главному твоя ахиня пока на глаза не попала, а попадется – мало не покажется!

Я хотела ей сказать, что если уж главный мою статью не читал – так о чем вообще речь и зачем так разоряться, но вовремя сдержалась и прикусила язык, а то Гюрзу, наверное, от такой наглости хватил бы инфаркт. Но она и без того продолжала бесноваться:

– Что ты вообще лезешь не в свое дело? Тебе разрешают писать обзоры книжных и музыкальных новинок – вот и занимайся этим! Серьезная журналистика – это не для тебя! Откуда ты вообще раскопала всю свою чепуху?

– У меня есть источник информации, – тупо повторила я, как испорченная грампластинка.

В конце концов, если Анфиса повторяется – почему мне нельзя?

Некоторое время мы смотрели друг на друга с плохо скрытой ненавистью, наконец Гюрза вспомнила про булькающий телефон, прижала его левым плечом к уху, включила звук и произнесла очередное «ага», указав мне рукой на дверь кабинета и одарив напоследок настолько выразительным взглядом, что я, закрыв за собой дверь, проверила, не прожег ли этот взгляд дырку на любимом оранжевом свитере.

В результате этой аудиенции я вернулась на прежние позиции: что бы там ни говорил многомудрый Петр Ильич, в большую журналистику мне не пробиться, меня туда просто не допустят, несмотря на все его хитрые домашние заготовки.

– Сашенция! – подскочил Мишка Котенкин. – Может, объяснишь, что с тобой в последнее время происходит?

– Ты еще будешь лезть, – прошипела я не хуже Гюрзы, но тут же устыдилась – Мишка всегда ко мне хорошо относился, незачем срывать на нем злость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.